

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Д. УСПЕНСКОГО

Протоиерей
Геннадий ПОВНЫЙ

Московская Духовная Семинария—1981, Московская Духовная Академия, кандидат богословия—1989, доцент—2000

«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жителства, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Первый период жизни (1900-1917 гг.)

Заслуженный профессор Ленинградской Духовной Академии Николай Дмитриевич Успенский родился 3 января 1900 года (ст. ст.) в семье священника погоста Поля Демянского уезда (ныне района) Новгородской губернии (ныне области). Кроме него в семье было еще пятеро детей. Старшим был Димитрий, затем Лидия, Николай был третьим; за ним—Вера, Екатерина и Серафим. Благочестивые родители с юных лет прививали детям любовь к Богу и храму. Вспоминая о своем отце, Николай Дмитриевич писал: «Нам же да позволено будет помянуть добрым словом и благодарностью прежде всего покойного отца своего. Он, сельский батюшка, протест в вопросах веры, с малых лет воспитал нас в любви к церкви и богослужению. Насколько мы помним себя с детства, мы всегда видели отца исключительно благоговейным. Кадил ли он, осенял ли молящихся, благословлял ли их в храме или дома ночью читал правило ко Святому Причащению, наша детская душа чувствовала, что он делает не простое или, что то же, человеческое дело, а Божие, и эти настроения с детства заложили в нас любовь к церковному обряду, пению и чтению, так что уже в духовном училище церковный устав и пение для нас были любимыми предметами» (20, с.25).

Отец Николая Дмитриевича Успенского, священник Димитрий Алексеевич Успенский, пользовался большой любовью и уважением прихожан. «Авторитет и мудрость батюшки были такими, что крестьяне никогда не обращались в суд для разбора своих споров, а приходили к отцу Димитрию с просьбой, чтобы он их рассудил. И

как батюшка скажет, так и поступали» (25, с.25). А в приход отца Димитрия входило более 20 деревень.

Дедушка, отец и мать Николая Дмитриевича были музыкально одаренными людьми и имели красивые голоса. Первый, Алексей Иванович, в течение многих лет был певчим Новгородского Софийского собора и обладал редкостным по тембру тенором, который сохранился у него до глубокой старости. Отец также отличался незаурядными музыкальными способностями и играл на скрепке. Занимаясь во втором классе семинарии, он управлял семинарским хором и семинарским любительским симфоническим оркестром. Будучи священником, отец Димитрий организовал из крестьян церковный хор и так умело направлял его рост, что вскоре этот простой крестьянский хор стал исполнять произведения протоиерея Петра Турчанинова, Д. Бортнянского, А. Архангельского. Отец Димитрий часто брал маленького Николая с собой на спевки, где мальчик непосредственно соприкасался с церковной музыкой. «А после спевки дома за ужином, когда мать расспрашивала отца, что пели и как пели, к тому, что говорил отец, Коля добавлял: «А Настя поет так, а Палаша так, а Павел Антонов так», — и при этом тоненьким голоском пел запомнившиеся ему мотивы женских голосов и даже баса (29, с. 26).

Отец Димитрий был хорошо знаком с протоиереем Иоанном Сергиевым (Кронштадским). Случилось так, что сгорела деревянная церковь, в которой служил отец Димитрий. Тогда он решил поехать к батюшке за благословением строить каменную. С большим трудом он добрался к отцу Иоанну и поведал ему свое желание. «А на какие деньги ты будешь строить?» — спросил его отец Иоанн. «На Божьи», — ответил отец Димитрий. В это самое время вдруг подают отцу Иоанну конверт с пожертвованием. Взяв его и не разворачивая, отец Иоанн отдает его отцу Димитрию со словами: «Это тебе начало»... Сам Николай Дмитриевич глубоко чтит протоиерея Иоанна Сергиева.

Мать Николая Дмитриевича, Лидия Петровна Монастырева, происходила из обедневшей дворянской семьи¹. Она окончила гимназию в г. Новгороде и преподавала русский язык в приходской школе, по месту церковного служения своего мужа. Она тоже была очень одаренной музыкально, хорошо играла и пела. Хотя у Лидии Петровны специального медицинского образования не было, но она обладала даром врачебного искусства и этим очень часто помогала людям, за что семью отца Димитрия еще более любили.

В семье отца Димитрия часто играли на музыкальных инструментах и пели, а поэтому и дети унаследовали от своих родителей любовь к музыке и пению. Впоследствии все они получили музыкальное образование.

Начальное образование Николай получил в местной земской школе, по окончании которой в девять лет он поступил в Духовное училище в г. Старая Русса. На приемном экзамене по церковному пению он обратил на себя внимание знанием осьмогласника. Пел «Господи, воззвах», «Бог Господь», воскресный тропарь и первый ирмос любого гласа. За эти знания и хороший голос мальчик был принят в училищный хор и скоро стал в нем ведущим в партии дисканта. По окончании четырехгодичного Духовного училища в 1913 г. Николай поступил в Новгородскую Духовную семинарию, где обучался в течение четырех лет (1913-1917 гг.). Участь в семинарии, он пел в хоре Софийского Новгородского собора. С декабря 1917 г. по сентябрь 1925 г. Николай Дмитриевич был псаломщиком и регентом Окуловской церкви (с. Окуловка Новгородской области), в которой тогда служил его отец.

Второй период жизни (1917-1946 гг.)

После окончания учебы в семинарии юноша стремится продолжить богословское образование и поступает в Петроградский Богословский институт, где он учился в течение трех лет. Однако до поступ-

ления молодому человеку пришлось столкнуться с трудностями, вспоминая о которых Н.Д. Успенский писал: «В 1920 г. я приехал в Петроград с тем, чтобы поступить в Богословский Институт. Я обратился к проректору института, покойному Ивану Павловичу Щербову. Иван Павлович, узнав что я семинарист, почему-то отрицательно отнесся к моему поступлению. Он мне сказал, что семинаристы до революции бежали от духовной службы, а после революции, когда им свободно открыты двери всех гражданских ВУЗов, они тем более для Богословского Института ненадежный элемент. Когда же я стал его упрасивать, то он назначил мне некий курс. Он потребовал от меня сдачи коллоквиума по догматическому богословию, хотя тогда для поступления в институт никаких предварительных экзаменов не требовалось. Через месяц я требуемый коллоквиум сдал. Похвалив меня за знание текстов Священного Писания и выразив удивление, что я подготовился в такой короткий срок к коллоквиуму, Иван Павлович все же не зачислил меня, а назначил мне еще экзамен по греческому языку в объеме Духовной Семинарии, который я тоже через небольшой срок выдержал. Иван Павлович и теперь остался доволен моими ответами, однако в приеме отказал и посоветовал идти в Университет. Единственным выходом, который у меня оставался, это было обратиться к отцу ректору, на благоприятный исход чего в душе я не надеялся, т.к. в Новгородской Духовной Семинарии, где я учился, ректор для семинариста был недоступной персоной и последнее слово фактически принадлежало инспектору. Но утешающий хватается за соломинку — и я отправился в Казанский собор к отцу ректору, которого я в лицо не знал. Здесь, когда я вошел, в середине собора стоял священник и давал распоряжения, видимо, членам приходского совета. На него мне указывали, как на ректора Института. Подойдя под благословение, я кратко изложил ему создавшееся положение с моим поступлением в Институт. Как сейчас вижу нахмурившиеся брови отца ректора, его пронзи-

тельный взгляд и короткую фразу: «Идите и скажите Ивану Павловичу, что я вас принял в Институт» (21, с.40). Так своеобразно произошло поступление молодого человека в Богословский Институт².

Осенью 1923 г. Николай Дмитриевич познакомился с Алексеем Афанасьевичем Дмитриевским, который оказал на молодого студента огромное влияние. О том, как это произошло, в своих воспоминаниях он пишет: «Тогда я приехал в Петроград, чтобы посоветоваться с профессорами бывшего Петроградского Богословского института по вопросу написания сочинения на степень кандидата богословия, на что я получил право по окончании этого института весной того же 1923 года. С этой целью я пошел на Богословские курсы центрального городского района, помещавшиеся при бывшей русско-эстонской церкви, что на Екатерининском проспекте, д. 24 (ныне проспект Римского-Корсакова), где некоторые из бывших институтских профессоров читали лекции. Я интересовался историей религий и историей Древней Церкви, библейской археологией, считал актуальной богословской наукой апологетику. Я находил для себя полезное и в некоторых других богословских и церковно-исторических науках, но еще не интересовался литургикой, хотя по-своему любил богослужение. Как в Духовной Семинарии, где я получил среднее образование, так и в Петроградском Богословском Институте среди учащихся существовало мнение, что литургия — предмет «церковно-практический», что в нем уже сказано последнее слово науки, и требуется только твердое, почти наизусть, знание прорядка совершения богослужения, состав его псалмов, молитв, песнопений. О существовании самого Алексея Афанасьевича я не знал.

В тот день, когда я пришел вечером на Богословские курсы, здесь были уроки по церковному пению, которые я тоже любил, а затем состоялась лекция по литургике. Я остался на урок пения, а когда после урока задержался в аудитории раз-

говором со знакомыми мне студентами из бывших студентов Института, то в это время в аудиторию вошел преподаватель литургики. Последовало обычное перед уроком чтение дежурным слушателем молитвы и началась лекция. Мне даже неудобно было покидать аудиторию. Преподаватель, весьма пожилой мужчина, брюнет с седеющей бородой, одетый в черное, от времени полинявшее пальто (в аудитории было довольно прохладно и некоторые слушатели тоже были одеты в пальто), своим внешним видом напоминал мне скорее провинциального учителя, чем петроградского профессора. Но лекцию читал он, что называлось на языке студентов, «с огоньком» и этим «огоньком» зажигал интерес у своих слушателей. Это был Алексей Афанасьевич. Он излагал историю вечерни Великой Пятницы с ее обрядом выноса Плащаницы. Я знал хорошо эту службу и по учебникам литургики, и практически, и мне в голову не приходило, что между Типиконом и общепринятой практикой совершения этой службы так много несоответствия и недоговоренности.

После этого дня я посетил еще несколько лекций Алексея Афанасьевича, на которых он продолжал обзор истории служб Страстной седмицы—службы утрени и Литургии Великой Субботы. В этих лекциях Алексей Афанасьевич излагал историю богослужебных чинопоследований и ярко раскрывал смысл и красоту песнопений и обрядов Страстной седмицы. Для меня эти лекции имели решающее значение в смысле выбора предмета для моего кандидатского сочинения. Выбор был сделан» (6, с.85).

Молодой студент обратился к Алексею Афанасьевичу с просьбой дать ему тему для кандидатского сочинения. Однако мудрый профессор в ответ на эту просьбу,—вспоминает Николай Дмитриевич,—«дал мне свои книги—«Путешествие по Востоку и его научные результаты...» и «Древнейшие патриаршие Типиконы...» с тем, чтобы я проштудировал их и после этого пришел к нему беседовать. От разговора

же о теме моего кандидатского сочинения он уклонился» (6, с.88).

Прошло около трех недель, и Николай Дмитриевич приехал в Ленинград, чтобы встретиться с Алексеем Афанасьевичем. Книги профессора произвели смущение, смятение и подозрение в душе молодого человека. «Я чувствовал себя не в силах что-то сказать о их научном достоинстве. Более того, они как-то смутили меня и даже насторожили, потому что иногда сказанное в них шло вразрез с моими религиозными представлениями, которые для меня казались ортодоксальными. Меня смущало сообщение Алексея Афанасьевича в его «Путешествии» об открытых им «Правилах» преподобного Саввы Освященного. Я привык думать и меня тому учили, что наш Церковный устав ведет свое начало от самих апостолов и лишь был записан преподобным Саввой, «Правила» же преподобного Саввы, написанные им собственноручно и опубликованные Алексеем Афанасьевичем, ни размером, ни содержанием не были похожи на наш Типикон. Короче говоря, опубликованные Алексеем Афанасьевичем «Правила» преподобного Саввы вызвали у меня ряд возражений. Не меньше смутила меня и книга «Древнейшие патриаршие Типиконы...» Я знал, что Русь приняла крещение от константинопольских греков, следовательно, и их богослужение, но богослужение Великой (Константинопольской) Церкви, которое так подробно излагал Алексей Афанасьевич в «Древнейших патриарших Типиконах...», оказалось совершенно отличным от нашего. Я задавал себе вопрос: как это могло получиться? И какой же из этих двух Типиконов древнейший в том смысле, что его можно было бы назвать ведущим свое начало от апостолов?» (6, с.86)

Свои соображения, недоумения и вопросы Николай Дмитриевич высказал Алексею Афанасьевичу. Они вызвали у профессора «живой и интересный разговор, который затянулся на несколько часов» (6, с.86). После этого Алексей Афанасьевич дал молодому студенту III том «Опи-

сания литургических рукописей» и книгу К. Кекелидзе «Литургические грузинские памятники...» для новой самостоятельной проработки. Алексей Афанасьевич «велел выписать из этих трудов все, что касается всенощного бдения и описать все то, что является оригинальным сравнительно с чином всенощного бдения, как он изложен во второй главе нашего Типикона. При этом Алексей Афанасьевич предупредил меня, что эта работа будет трудоемкой, и установил мне срок для ее выполнения—3 месяца» (6, с.87).

Прошло указанное время, и молодой студент снова встретился со своим наставником. Алексей Афанасьевич сказал, что «выполненная работа составит солидную часть моего кандидатского сочинения, затем он назвал тему этого сочинения, дал порядочное количество своих книг, указал на что мне обратить внимание, и опять установил срок для работы. Так он руководил мной, и я периодически приезжал и показывал ему свою работу (6, с.87).

«Это время совпало с открытием Высших Богословских курсов. Я не видел для себя иной связи с новым высшим богословским учебным заведением, как только в представлении в него своего кандидатского сочинения. Но вскоре после открытия курсов (29 сентября 1925 г.) я неожиданно для себя получил уведомление об избрании меня Советом курсов на должность секретаря. Это уведомление для меня было не только неожиданным, но казалось и страшным, т.к я никогда не исполнял секретарской должности, а тем более в таком органе, как Совет ВУЗа. Страх мой еще более увеличился в Ленинграде, когда я по приезде узнал от профессора Дмитриевского, что кроме меня на эту должность баллотировались два городских отца протоиерея, из коих один был преподавателем курсов. Но этот страх рассеял тот же А.А. Дмитриевский, который сказал, что моя кандидатура проводилась самим отцом ректором при поддержке профессоров из бывшего Богословского института и что поэтому я не могу отказаться от этой должности. Итак, по

воле и заботе обо мне отца ректора, я стал секретарем Совета Курсов. Работал я добросовестно, но секретарского опыта у меня не было никакого. Все мои черновики протоколов отец ректор перечитывал и испещрял своими пометками. Часто я думал, что я малополезный человек для Курсов и для отца ректора. Это мое настроение еще более усиливалось потому, что я по семейным обстоятельствам не мог оставить работу в провинции и фактически на курсах работал одну неделю, а на другую выезжал в провинцию. Отец ректор разрешал мне такое гастрольное секретариатство. Ко мне он был, как и в мои студенческие годы, очень внимателен. Порой мне хотелось просить его освободить меня от секретариатства, как малополезного ему работника, но я не решился заговорить об этом, поскольку он проводил мою кандидатуру при наличии других кандидатов. Мое колебание рассеял профессор Дмитриевский, пояснивший мне, что забота ректора в отношении меня и его снисходительное ко мне отношение имеют в виду дальнейшее мое научное усовершенствование, в чем я сам убедился...» (23, с.42)

Николай Дмитриевич Успенский оказался учеником крупнейшего и гениальнейшего литургиста проф. А.А. Дмитриевского (†1929 г.). Этому ученому заслуженно называют «русским Гоаром» за колоссальный труд по собиранию литургических источников и разработке научных проблем литургики, подняв при этом литургическую науку на новую ступень. Значение собранного и опубликованного им материала до настоящего времени еще полностью и окончательно не оценено³.

Необходимо отметить и то, что Алексей Афанасьевич создал русскую литургическую школу. Представителями ее были: В. Барвинок, Е. Диаковский, протоиерей К. Кекелидзе, протоиерей М. Лисицын, А. Неселовский, священник В. Прилуцкий, Н. Пальмов.

Николай Дмитриевич Успенский был последним и непосредственным учеником

этого талантливого и знаменитого ученого-литургиста — «русского Гоара».

Под его непосредственным опытным руководством начиналась научная деятельность будущего молодого ученого. В воспоминаниях о своем добром наставнике Николай Дмитриевич Успенский пишет: «Это был не только выдающийся ученый-исследователь и талантливый лектор, но и прекрасный педагог, умевший пробудить у своих учеников любовь к труду и науке. Изучая оставшийся от Алексея Афанасьевича его личный архив, я прихожу к выводу, что все темы кандидатских сочинений, в том числе и данная мне, представляли собой зрелый плод его собственных научных наблюдений. Давая тему для сочинения, он отчетливо представлял себе те результаты, к которым должно было привести то или иное исследование. Алексей Афанасьевич не выпускал начинающих у него работать из поля своего зрения, не обрекал их на долгие и порой бесплодные искания источников их работ, а, напротив, всячески ограничивал возможность такого искания требованием упорного труда и тщательного изучения тех источников, которые он сам давал ученику. Таким методом руководства он прививал своим ученикам надежную школу научно-исследовательской работы» (6, с.87).

Несомненно, Алексей Афанасьевич Дмитриевский оказал сильное влияние на становление Николая Дмитриевича как ученого. Он привил молодому студенту подлинный научный интерес к работе над литургическими источниками, умение мыслить творчески и самостоятельно. Изодня в день методично Алексей Афанасьевич заботился о научном росте своего «Вениамина» (так любовно называл он Николая Дмитриевича), готовя из него ученого, преемника своего любимого дела. «В течение трех лет, — пишет Николай Дмитриевич Успенский, — я все свободное от работы время проводил у Алексея Афанасьевича. Он был очень требователен в отношении моих занятий Литургикой. Находясь у него, я должен был так

же усидчиво работать над книгой, как и он... В те дни, когда я был свободен от работы, а Алексею Афанасьевичу нужно было идти в Публичную библиотеку, он брал меня с собой. Здесь по его требованию мне давали рукописные типиконы, служебники, требники, и я должен был их рассматривать и выписывать то, что находил в них интересным. Возвращаясь из библиотеки, Алексей Афанасьевич расспрашивал меня, что я смотрел и что нашел. Отвечая ему я чувствовал, что он прекрасно знает эти рукописи, но расспрашивает меня, потому что и здесь он не хочет выпускать меня из поля своего внимания» (6, с.88).

Алексей Афанасьевич Дмитриевский привил Николаю Дмитриевичу огромную любовь к исторической литургике, которую он «обоснованно считал существенно важной в богословском образовании, а не «прикладной» наукой, как многие думали в его время и некоторые думают сейчас» (22, с.10). В этой связи хочется привести следующий случай из воспоминаний Николая Дмитриевича. «Один из слушателей Курсов — молодой ленинградский протоиерей — обратился к Алексею Афанасьевичу с просьбой дать ему тему для кандидатского сочинения. Алексей Афанасьевич отнесся к нему так же, как и ко мне и к другим, обращавшимся к нему с аналогичным вопросом, — вместо конкретного разговора о теме дал несколько книг для штудирования. Но через несколько дней этот батюшка пришел с книгами к Алексею Афанасьевичу и сказал, что он решил не писать сочинение по литургике ввиду неактуальности этой науки, и что он считает более полезным заняться богословско-философскими вопросами. Помню, как Алексей Афанасьевич нахмурил брови и с нескрываемым чувством обиды сказал: «Я, батюшка, думаю, что для священника литургика всегда была и будет актуальной наукой. Но я понимаю Вас. Размышлять о богословско-философских вопросах можно и в городском саду, любуясь голубым небом, свежей зеленью деревьев и пением птиц, а чтобы сделать что-то по литургике, для

этого надо протереть брюки, и, может быть, не одни». Протоиерей все же оставил книги у Алексея Афанасьевича. После этого он приглашал Алексея Афанасьевича на блины, на пасхальные разговенья, но все было напрасно: Алексей Афанасьевич был обижен в лучших своих чувствах!» (6, с.87)

Находясь под руководством Алексея Афанасьевича Дмитриевского, Николай Дмитриевич в совершенстве изучил литургические источники. А это дало ему возможность дальнейшей самостоятельной и творческой работе в науке. Вспоминая об этом, Николай Дмитриевич пишет: «По его указанию я переводил *Notae* Евхология Гоара, отдельные места из Архиератикона Габерта и из Собраний литургий Ренодота. Он приучал меня к пользованию трудами Даниеля, Денцингера, и у него я начал переводить патентованный учебник по Литургике Тальхофера» (6, с.88).

Неустанный личный добросовестный труд под опытным руководством ученого профессора А.А. Дмитриевского сделал то, что Николай Дмитриевич унаследовал лучшие традиции русской литургической школы, которые он с честью хранил и активно приумножал.

Весной 1925 г. Николай Дмитриевич закончил кандидатской сочинение, которое называлось «Происхождение чина агрипнии и его составные части», и представил его в Совет Высших Богословских курсов. За это сочинение он был удостоен ученой степени кандидата богословия с правом соискания степени магистра без новых устных испытаний. Решение Совета курсов было утверждено Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Митрополитом Сергием (впоследствии Святейший Патриарх) 10 марта 1926 года.

Обращаясь к источникам и всесторонне разрабатывая их, Николай Дмитриевич в своем кандидатском сочинении показал историческое происхождение главных составных частей всенощного бдения — вечерни, литии и утрени.

Получив степень кандидата богословия, Николай Дмитриевич Успенский по ходатайству А.А. Дмитриевского был прикреплен для научной специализации по кафедре Литургики. «Для меня, — замечает Николай Дмитриевич, — это было лестно, но мое профессорское стипендиатство материально ни в какой мере меня не обеспечивало. И я не мог претендовать на какую-либо материальную поддержку, потому что сами профессора Курсов не имели твердого жалованья и получали заработную плату за фактически данные часы лекций» (6, с. 88).

После закрытия Высших Богословских Курсов в 1927 г. молодой ученый 1 сентября 1928 года поступил учиться в Государственную академическую капеллу (ныне Капелла имени М.И. Глинки), которую окончил в июне 1931 года, получив среднее музыкальное образование с квалификацией дирижера хора и учителя пения. Незаурядные музыкальные способности и дирижерский опыт позволили ему окончить четырехлетний курс обучения в три года. Занимаясь в Государственной академической капелле, Николай Дмитриевич Успенский параллельно был регентом Троицкого, Измайловского и Князь-Владимирского соборов в г. Ленинграде (1929-1934 гг.).

В 1932 году Николай Дмитриевич поступил в Ленинградскую государственную консерваторию, которую окончил в 1937 году по историко-теоретическому факультету с квалификацией музыковеда. В годы учения в консерватории Николай Дмитриевич начинает музыкально-педагогическую работу в детских музыкальных школах, на курсах музыкального образования для взрослых, в музыкальных училищах. Дипломную работу в консерватории Николай Дмитриевич писал в классе профессора Кушнарева по полифонии и в качестве дипломной работы представил несколько сочиненных им fug, которые были признаны комиссией высокотворческими произведениями. По окончании консерватории Николай Дмитриевич был назначен помощником директора по учеб-

ной части Государственных курсов музыкального образования им. Н.П. Римско-Корсакова в Ленинграде.

В 1938 году Николай Дмитриевич был приглашен на должность преподавателя полифонии в Ленинградскую государственную консерваторию. С 1 сентября 1939 года приказом наркома Просвещения он назначен помощником директора Ленинградского музыкального педагогического училища с оставлением на работе в Консерватории, а в 1940 году стал директором этого же училища, которым руководил до его закрытия в августе 1942 года.

В годы Великой Отечественной войны Николай Дмитриевич Успенский находился в Ленинграде и пережил блокаду. 2 декабря 1941 года во время бомбежки Музыкальное педагогическое училище было разрушено. Николай Дмитриевич, находясь на посту начальника противовоздушной обороны училища, был тяжело контужен взрывом фугасной бомбы и получил инвалидность второй группы. За мужество, проявленное в годы Великой Отечественной войны, указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 1942 г. Николай Дмитриевич возвращается к музыкальной работе, сначала в единственной в то время ленинградской детской музыкальной школе Петроградского района, затем управляет хором (до 1946 г.) в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. С октября 1942 г. по май 1946 г. Н.Д. Успенский был старостой Никольского кафедрального собора. С января 1944 г. Николай Дмитриевич возобновляет работу в Ленинградской государственной консерватории по музыкально-теоретическим предметам. Здесь он ведет курс специальных теоретических дисциплин на дирижерско-хоровом и теоретико-композиторском факультетах. 19 ноября 1945 г. в Ленинграде открылись богословско-пастырские курсы, на которых

Николай Дмитриевич начал преподавать церковный устав. В этом же году он состоял членом от мирян Ленинградской митрополии Поместного Собора Русской Православной Церкви.

С этого же года он сотрудничает в редакции «Журнала Московской Патриархии» как автор многих статей и научный редактор различных церковно-богослужебных изданий.

Третий период жизни (1946-1987 гг.)

1 сентября 1946 г., под своим традиционным названием «Академия», вновь начала свою деятельность высшая богословская школа в Ленинграде, а 14 октября 1946 г. состоялось официальное ее открытие. В это время, определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Николай Дмитриевич Успенский был утвержден доцентом Ленинградской Духовной Академии по кафедре Литургики с возложением на него обязанностей преподавателя того же предмета и устава в Ленинградской Духовной Семинарии. В духовных школах он нашел полное применение своим знаниям. 28 декабря 1946 г. Ученым Советом Ленинградской государственной консерватории, на основании публичной защиты представленной диссертации на тему «Лады русского Севера», он был удостоен ученой степени кандидата искусствоведческих наук. 12 июля 1947 г. Аттестационная комиссия Учебного комитета при Священном Синоде удостоила Н.Д. Успенского, как имеющего две ученые степени, звания профессора Духовной Академии по кафедре Литургики. К своим преподавательским обязанностям Николай Дмитриевич относился с большой серьезностью и ответственностью. Он составил новый полный курс лекций по литургике, используя свежие научные данные, имевшиеся в его распоряжении. Здесь им освещены совершенно новые проблемы и вопросы, не имевшие места в прежних академических курсах.

Плодотворна научно-литературная деятельность Н.Д. Успенского. Он составил

статьи о жизни и творчестве русских духовных композиторов: Веделя, Турчанинова, Бахметева, Потулова, Воротникова, Виноградова, Львова, Азеева, Лисицына и Тернова, выполненные им по заказу Всесоюзного Музыкально-Исторического музея для издания «Деятели русской музыкальной культуры».

22 июня 1949 г. Ученый Совет Ленинградской Духовной Академии на основании публичной защиты представленной Николаем Дмитриевичем диссертации «Чин всеошного бдения в Греческой и Русской Церкви», удостоил его ученой степени магистра богословия. «Автор, путем глубокого, тщательного изучения литургических памятников, показал историю становления современного чина вечерне-утреннего богослужения Греческой и Русской Церквей, раскрыв причины появления нынешних форм этого чина в обеих Церквях и указал на их отличительные особенности» (25, с.25).

Следует отметить, что у нас мало литургических сочинений о всеошном бдении, а поэтому магистерская диссертация Н.Д. Успенского в этой области явилась очень важным вкладом в русскую литургическую науку [4].

До 1954 г. Николай Дмитриевич совмещал преподавательскую деятельность в Ленинградской Духовной Академии и Ленинградской консерватории. Администрация консерватории (директор Брюшков) в это время очень отрицательно относилась к профессору... Он поставлен был перед дилеммой: «Или консерватория, или Академия». Николай Дмитриевич вынужден был оставить чтение лекций в консерватории и предпочел Духовную Академию.

В 1956-1958 годах он был членом богослужбно-календарной комиссии при Священном Синоде, где деятельно трудился с ее председателем — видным литургистом и агиологом епископом Афанасием (Сахаровым, †1962 г.) над изданием «Богослужбных указаний».

В апреле 1957 г. Ученый Совет Московской Духовной Академии за труд «История богослужебного пения Русской Церкви до середины XVII в.» присвоил Н.Д. Успенскому высшую ученую степень доктора Церковной Истории. В этом же году Николая Дмитриевича постигло испытание. 12 апреля 1957 г. скончалась его супруга — Наталья Ивановна Штори.

Состоя профессором Ленинградской Духовной Академии и являясь заведующим кафедрой Литургики в ней, Николай Дмитриевич Успенский организовал (1 декабря 1967 г.) и возглавил руководство регентским классом в Ленинградских Духовных школах, который выпускает аттестованных регентов. Им была выработана и составлена программа трехлетнего срока обучения, в которую входят следующие музыкальные дисциплины: сольфеджио, теория музыки, гармония, хороведение, дирижирование, история церковного пения и фортепиано.

С 1959 г. Н.Д. Успенский состоял членом редакционной коллегии богословского сборника «Богословские труды». И уже в первых выпусках этого сборника (М., 1960 г.) была опубликована его статья «Православная вечерня», «отобразившая итоги его многолетней научной работы в области изучения истории православного вечернего богослужения» (22, с.9).

В 1960 г. Н.Д. Успенский сопровождал покойного Святейшего Патриарха Алексия в его втором паломничестве по Святым Местам Востока. Плодом этой поездки явился труд профессора, описывающий Святые Места Палестины, в котором автор говорит о состоянии Святых Мест в настоящее время; при этом, в целях большей ясности и полноты представления у читателей, в отдельных случаях, и в частности, в отношении самого города Иерусалима, где находятся главные христианские святыни, он касается и отдельных исторических событий.

Своей многосторонней научной работой Н.Д. Успенский заслужил почетную из-

вестность не только в нашей стране, но и за рубежом. В 1958 г. он участвовал в XI Международном Византологическом конгрессе в Мюнхене, где им был сделан доклад «Византийское пение в Киевской Руси» (опубликован в Трудах XI Византологического конгресса, Мюнхен, 1960 г.) В 1966 г. Международным Комитетом Славистов на конгрессе в Оксфорде Николай Дмитриевич был избран членом Международной комиссии по изучению древнеславянских музыкальных памятников. В 1967 г. Николай Дмитриевич выступал в Мюнхене, на заседании Комиссии по изучению памятников музыкального искусства, с докладом «Особенности древнерусского многоголосия». В 1969 г. он участвовал в Историко-музыковедческом симпозиуме, который проходил в Быдгоще (Польша) и прочел доклад «Проблема методологии обучения исполнительскому мастерству в древнерусском певческом искусстве».

В эти же годы издаются два капитальных труда Н.Д. Успенского: «Древнерусское певческое искусство» (изд. «Музыка», 1965 г.) и «Образцы древнерусского певческого искусства» (Л., 1968 г.). Появление этих работ было встречено специалистами и любителями музыки с восторгом. Западногерманский ученый Иоанн фон Гарднер в рецензии на эту работу писал: «Работа Н.Д. Успенского заслуживает благодарности, признания и внимания всех, кто занимается вопросами духовной истории восточных славян. Книга предусматривает хороший критический аппарат и представляет собой ценный вклад в изучение русского богослужебного пения и русской духовной культуры до конца XVIII столетия» (29, с.29).

А во вступительной статье к книге «Древнерусское певческое искусство» известный исследователь, профессор Ю.В. Келдыш пишет: «В целом книга Н.Д. Успенского является отличным введением в изучение проблематики древнерусского певческого искусства... Эта книга выделяется разносторонностью содержания и широтой научной проблематики. Автор охватыва-

ет в ней весь основной круг вопросов, связанных со стилистикой крюкового пения, с различием его форм и видов и—что особенно важно—стремится показать процесс развития этого искусства в исторической перспективе. Основанные положения работы Н.Д. Успенского представляются вполне убедительными и стоящими на уровне современной исторической науки» (7, с.23 и с.9). В этой работе автор убедительно и ярко раскрывает все особенности и достоинства демественного распева и приходит к выводу, что «демественный распев является вершиной певческого искусства не только русского, но и мирового» (29, с.36).

Хочется отметить, что совпадение в одном авторе исследователя разных специальностей, а именно: музыковеда, литургиста, историка и археолога «дало результаты, очень благотворно сказавшиеся в работах по древнерусской музыке. Благодаря этому, работы Н.Д. Успенского отличает не только глубокое понимание образов древнерусской музыки, ее тонкий анализ, но и великолепное чувство историзма, знание церковно-археологической специфики этого предмета. Надо отметить, что древнерусское пение не было предметом искусства в собственном смысле этого понятия. В православное богослужение не вводилась инструментальная музыка, как в других христианских Церквях. К органной и всякой иной инструментальной музыке на Руси относились резко критически, считая ее «безумными висканиями римскими», прежде всего потому, что источником звуков был не живой человек, а неодушевленный инструмент. В древнерусской церковной музыке использовался исключительно человеческий голос, так как он способен соединить музыку и слово» (4, с.30).

В книге «Древнерусское певческое искусство» Н.Д. Успенский на основе новейших данных советского музыковедения представил это искусство как один из шедевров русской культуры мирового значения, а в «Образцах» показал это искус-

ство во всем многообразии его исторического развития» (29, с.39).

В 1971 году обе книги Николая Дмитриевича вышли во втором издании в дополненном виде: первая в Москве, вторая в Ленинграде. В 1973 году была опубликована кандидатская диссертация Н.Д. Успенского «Лады русского Севера», которая основана на песенном фольклоре от Новгородской и Вологодской областей до Поморья, Пинежья и Мезени включительно.

«Лады русского Севера» — это первый в музыковедческой литературе труд, где научно и аргументированно поставлен вопрос о возможности использования знаменного распева в качестве критерия для установления давности напевов русской народной песни» (29, с.39).

Появление этих трудов Николая Дмитриевича оказало большое воздействие на музыкальный мир, вызвав живой интерес к музыке Древней Руси. Так, профессиональный нецерковный хор Александра Александровича Юрлова стал включать в свой репертуар песнопения Древней Руси, а в 1968 г. он записал свои великолепные концерты на пластинки под названием «Русская хоровая музыка XVI-XVIII веков».

Николай Дмитриевич Успенский участвовал в издании пятитомной «Музыкальной Энциклопедии» и «Большой Советской Энциклопедии». Его перу принадлежат многочисленные статьи, помещенные в этих изданиях. По просьбе целого ряда искусствоведческих издательств и культурно-просветительских учреждений и организаций он давал консультации, писал отзывы, делал научные сообщения из области музыкальной медиевистики.

Для Н.Д. Успенского характерно сочетание научной деятельности с общественными интересами. По поручению Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата Николай Дмитриевич выполнял научную разработку различных богословских, и, в частности, литургичес-

ких материалов для экуменических диалогов и контактов. Он многократно участвовал в экуменических конференциях и встречах, выступал с докладами на богословских собеседованиях, принимал участие в дискуссиях по вопросам, подвигавшимся межконфессиональному обсуждению.

Николай Дмитриевич являлся членом Комиссии при Священном Синоде по разработке каталога тем, предложенных Первым Всеправославным Совещанием, которое проходило на о. Родос в 1961 году, для будущего Всеправославного Собора.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, бывший ученик Н.Д. Успенского, вспоминая о своем наставнике, писал, какое впечатление производила его педагогическая и научная деятельность. «Когда студенты шли сдавать литургику Николаю Дмитриевичу, то, зная его требовательность, со страхом и трепетом переступали порог аудитории. Но его консультации посещали очень охотно, потому что всегда получали высококвалифицированный, всесторонне аргументированный ответ на всевозможные вопросы, касающиеся и богослужебной практики, и истории богослужения. После его исчерпывающих объяснений многие стороны христианского богослужения представлялись в новом свете, привычные популярные толкования священнодействий и обрядов уступали место глубокому научному изъяснению отдельных частей богослужения и их гармонической связи в целом чинопоследовании. Секрет этого кроется в историческом подходе к исследованию богослужения, необходимость чего доказывал еще в середине прошлого столетия приснопамятный архиепископ Черниговский Филарет... [5] Н.Д. Успенский всегда добросовестно выполнял дававшиеся ему поручения, прилагая максимум усилий, чтобы работа была закончена своевременно. Опыт показал, что ему можно поручать разработку любой темы, имеющей отношение не только к литургике, но и к любому богословскому предмету. При этом следует

заметить, Николай Дмитриевич поражает всегда своей богатой эрудицией, широтой взглядов и неизменной верностью лучшим традициям православной богословской науки» (9, с.6).

Посещая многие страны Западной Европы, Ближнего Востока, Канаду, Н.Д. Успенский свидетельствовал о мире и активно участвовал в борьбе за мир между народами. Его деятельность в этой области советский Комитет защиты мира отметил почетной грамотой борца за мир между народами.

Говоря о Николае Дмитриевиче Успенском как видном ученом-литургисте и богослове, нельзя не упомянуть о том, что он был признан как крупнейший литургист не только нашей Церковью, но и другими Православными Церквями. Антиохийская Церковь наградила его орденом Апостолов Петра и Павла. Патриарх Иерусалимский Венедикт I наградила проф. Успенского грамотой и возложил на него крест с частицей древа Креста Господня. 25 февраля 1967 года Фессалоникийский университет имени Аристотеля удостоил профессора Н.Д. Успенского степени почетного доктора за его научную богословскую деятельность. 18 октября 1968 года Свято-Владимирская академия в Нью-Йорке за научные труды в области истории русского церковного пения удостоила его почетной степени доктора богословия. 20 мая 1982 года он был избран почетным доктором Богословского факультета Сербской Православной Церкви.

15 апреля 1970 г. Совет МДА постановил избрать профессора Ленинградской Духовной Академии, доктора Церковной истории Н.Д. Успенского за труды во благо Святой Церкви и за многолетнее активное доброе отношение к Московским Духовным школам Почетным членом Московской Духовной Академии.

Н.Д. Успенский с его колоссальным опытом научной работы в области литургики и церковной музыки был одним из лучших профессоров ЛДА.

Более 40 лет он преподавал Литургику в Ленинградской Духовной Академии и бескорыстно передавал молодому поколению богословов свой богатый научный опыт.

7 июля 1987 года, когда Николай Дмитриевич находился на своей даче под Ленинградом, у него случился сердечный приступ. На следующий день он был перевезен на городскую квартиру, где исповедался и причастился Святых Христовых Таин. Вечером 22 июля он снова причастился и через три часа мирно отошел ко Господу. Его родственники говорят, что Николай Дмитриевич «умер совершенно легко, спокойно, не было последнего тихого вздоха».

Погребен Николай Дмитриевич Успенский на Серафимовском кладбище в г. Ленинграде, рядом с храмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Российская родословная книга. Человек-4. СПб. 1857 г. С. 18.

² Через много лет, осмысливая происшедшие события, Николай Дмитриевич вспоминал: «После Великой Октябрьской Социалистической революции, в связи с отделением Церкви от государства, вся сеть учебных заведений—духовные училища, духовные семинарии и духовные академии, состоявшие до революции на государственном бюджете, прекратили свое существование. Это было в сентябре 1918 года.

Известно, что дореволюционные духовные учебные заведения преследовали двоякую цель: с одной стороны они готовили кадры для Церкви, т.е. священно-церковно-служителей и преподавательский состав для тех же учебных заведений, с другой—они давали общее образование детям той части духовенства, для которой образование в гражданских средних учебных заведениях—гимназиях, реаль-

ных училищах и т.п. было материально непосильным.

Ликвидация духовных учебных заведений не лишала детей духовенства возможности получения общего образования: с этой стороны потеря прежней духовной школы была безболезненна. Иное дело обстояло с подготовкой кадров священно-церковно-служителей и педагогических кадров для обучения будущих пастырей. С ликвидацией духовных учебных заведений то богословское образование, которое в Русской Церкви существовало непрерывно в течение двух столетий, фактически прекратилось. Русской Церкви грозила опасность с постепенным вымиранием старого поколения богословски образованных клириков и других церковных деятелей оказаться в том мраке духовного невежества, в каком в истории оказывались старообрядческие и сектантские общины. Поэтому нужно было принятие срочных мер к предотвращению краха богословского образования. Возглавивший тогда Русскую Церковь Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод при нем указами от 19 сентября 1918 года за № 23 и от 25 октября того же года за № 29 предложили епархиальным епископам открывать в подведомственных им епархиях пастырские училища, которые в какой-то мере могли бы заменить духовные семинарии и училища. Такое пастырское училище с трехлетним курсом обучения на базе неполной средней школы было открыто 1 октября 1918 г. в Петрограде. Помещалось оно в одном из зданий Александрo-Невской Лавры (северо-западная башня)...

...9 апреля 1919 г. была представлена Высокoпресвященнейшему Вениамину, митрополиту Петроградскому, докладная записка о необходимости открытия в Ленинграде Богословского Института, а через год и одну неделю, 16 апреля 1920 г. состоялось торжество его открытия. Сложность открытия состояла в том, что Русская Церковь в своей истории не имела ничего подобного тому, что должен был представлять собой организуемый Бого-

словский Институт. Он ставил своей задачей не только подготовку кадров священно-церковно-служителей, но и распространение духовного просвещения среди мирян, он должен был быть цитаделью Православия в условиях распространявшихся среди русской интеллигенции 20-х годов религиозной индифферентности, католической и сектантской пропаганды и увлечения теософией и спиритизмом. Отсюда, естественно, в организуемом институте все должно было быть новое: и учебный план, и учебный распорядок, и даже новые дисциплины, каких не было в прежних Духовных Академиях. Сложность вопроса организации Богословского Института усложнялась еще и тем, что он должен был создаваться не по указанию сверху, а на основе живого участия в этом деле самих церковных деятелей—духовенства и мирян. По существу это было правильным, так как организация института сверху в условиях церковной действительности того времени могла сделать его безжизненным и обречь на бесплодное существование.

Протоиерей Николай Чуков, впоследствии митрополит Григорий, возглавил Богословский Институт. 14 октября 1920 г. Богословский Институт был включен в состав Объединенного Совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда, а Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУЧ) предоставила всему преподавательскому составу Института усиленный ученый паек—факт знаменательный для того времени, когда в Петрограде был недостаток в продуктах питания...

Институт существовал три года и сделал выпуск в числе 23 человек.. И состояние учебного дела в Институте, и отношение к нему церковного общества, показателем которого служило то, что институт имел смету расходов до 1 сентября 1920 года в 544 тыс. руб., получил на это число добровольных пожертвований от православных приходов города 2 283 722 руб. с копейками, т.е. в 4 раза больше, чем требовалось на текущие нужды,

и благосклонное внимание ученых и культурных учреждений к Институту, и отзывчивость гражданских властей, предоставивших ему помещение для занятий, библиотеку бывшей Духовной Семинарии, а также издания Археографической Комиссии, издания бывшего книгопродавца Тузова и других национализированных книжных складов, — все это, вместе взятое, обещало Институту дальнейшее процветание. Но в самой Церкви в мае 1922 г. возник обновленческий раскол. Руководители этого раскола повели борьбу с Богословским Институтом, как не разделившим их раскольнической деятельности и активно отстаивавшим Русское Православие с его патриаршеством. В этой борьбе прошел целый год. В итоге ее перед Институтом встала дилемма: или изменить Русскому Православию с его патриаршеством и существовать под эгидой отщепенцев, или прекратить свое существование. Как падает смертью храбрых за Родину доблестный воин, умирает за благо народа герой, точно так же кончил свое существование в мае 1923 г. Богословский Институт, который предпочел за лучшее прекратить свою деятельность, нежели подчиниться отколовшимся от Церкви обновленцам. Самороспуск Богословского Института не был отречением его руководства и ученой корпорации от дальнейшей просветительской деятельности в условиях церковных нестроений, учиняемых обновленцами. Это было тактическое мероприятие верных Православной Церкви ученых богословов, позволившее им сохранить свои силы для новой борьбы с раскольниками.

Обновленческие лидеры через несколько месяцев после того, как закрылся Богословский Институт, в начале 1924 г. открыли свой Богословский Институт. Что же делает ректор закрывшегося Православного Богословского Института проф. прот. Н.К. Чуков, когда обновленцы открыли свой Богословский Институт? Чтобы ясно представить себе его деятельность в это время, я напомним о тех районных или благочиннических богословских курсах, которые, как низшая школа в системе

богословского образования, были открыты в 1920-1921 гг. в разных районах города. Сеть таких курсов, как и Богословский Институт, из-за обновленческого раскола в 1922-1923 гг. в целом прекратила свое существование, так что в 1924 г., когда обновленцы открыли свой Богословский Институт, из таких богословских курсов сохранились только одни, во 2-м городском благочинии. Помещались они в корпусе при Русско-Эстонской Церкви, где обитало и Богословско-пастырское училище (Екатерингофский пр., 24).

Высокопреосвященнейший митрополит Григорий (тогда еще протоиерей Николай Чуков) теперь, т.е. когда обновленцы открыли свой Богословский институт, видит необходимость вновь развернуть богословско-просветительную деятельность, противопоставив ее деятельности отщепенцев. Обновленцы открыли свой институт 16 марта, а 2 апреля протоиерей Николай Чуков принимает на себя заведование Богословскими курсами 2-го городского благочиния. Сюда он привлекает прежних профессоров Богословского Института. Список слушателей курсов пополняется фамилиями студентов Богословского Института.

С пополнением Богословских курсов центрального городского района профессорами и студентами бывшего Богословского Института фактически была подготовлена почва к открытию новой высшей богословской школы.

Поэтому протоиерей Николай Чуков, тогда заведующий курсами, входит в Совет этих курсов с докладом о реализации их в высшее богословское учебное заведение. Это было 31 мая 1925 г. Представленное им «Положение» проходит соответствующие государственные и церковные инстанции, и 29 сентября 1925 г. начали функционировать Высшие Богословские курсы под руководством вновь избранного ректора профессора протоиерея Николая Чукова.

Функционировали курсы в течение трех лет. Возникший в 1927 г. иосифлянский

раскол, несмотря на предупредительные меры, принятые ректором курсов, увлек отдельных студентов...

Это отрицательное влияние не могло не отразиться на судьбе самих Высших Богословских курсов, которые местной властью были закрыты» (21, с.22-38).

³ Известно, что ученый доминиканец Яков Гоар (†1653 г., 23 дек.) в 1647 году выпустил знаменитое издание «Великий Евхологион», содержащий в себе не только литургические молитвы, но и чинопоследования таинств с примечаниями и комментариями. Хотя Гоар был знаком с очень малым количеством рукописей и, к сожалению, они подверглись латинскому влиянию, но и эта проделанная им издательская работа обессмертила его имя. Со второй половины XIX в. «прежде на Западе (напр., Бунзен), а потом и у нас в России (К. Невоструев и протоиерей Александр Горский), когда принялись серьезно за изучение литургических памятников, то начали мало-по-малу открывать недочеты в трудах Якова Гоара. Бунзен (Hippolytus und seine Zeit. Leipzig. 1853, Band 2, S.535-565), Свайнсон (The Greek Liturgies chiefly from original sources. Cambridge. 1884. pag. 76-187) и Бриггман (Liturgies eastern and western. Oxford. 1896, pag. 309-352) с большою тщательностью переиздает тексты литургий, содержащиеся в древнейшем литургическом кодексе VIII-IX в. Барбериновской библиотеки, напечатанные впервые Яковом Гоаром. Наши русские ученые, профессора А.С. Павлов, протоиерей Горчаков, а особенно И.Д. Мансветов, Н.Ф. Красносельцев и др., направившие свое внимание на памятники нашего славяно-русского богослужения, для объяснения существующих в них интересных особенностей, преимущественно за время с XIV по XVI века, вынуждены были обращаться уже не к «Евхологиону» Якова Гоара, не дававшему им ответа на их научные запросы, а к самим греческим рукописям непосредственно, хранящимся в наших богатых книгохранилищах Москвы и Петербурга» (4, с.1-2). Хотя труд Гоа-

ра частично утратил свое значение, однако для многих ученых-литургистов он представляет определенный интерес.

Но изданные и опубликованные труды А.А. Дмитриевского по праву имеют огромное значение для литургической науки в частности и для богословия в целом. Им тщательно описаны 163 рукописи, и что самое важное, — все они (за исключением одной) чисто восточного происхождения. Для литургической науки это весьма ценно. Если Яков Гоар при составлении своего «Евхологиона», имел под руками только один точно датированный памятник — это чин литургии святителя Василия Великого 1041 года, то А.А. Дмитриевский в своих изданиях древних рукописей дает целый ряд памятников с первой половины IX столетия по XVI век, с определенными хронологическими датами. Причем, при описании того или другого литургического памятника или типикона, Алексей Афанасьевич сообщает много интересных сведений — исторических, археологических, этнографических и т.п.

Его основные капитальные труды:

1. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Киев, 1890.
  2. Богослужение страстной и пасхальной седмиц во святом граде Иерусалиме IX-X в. Казань, 1894.
  3. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. I. Типиконы (Соборные и Студийские). Киев, 1895.
  4. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. II. Евхологионы. Киев, 1901.
  5. Древнейшие патриаршие типиконы Святотрогский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви (Критико-библиографическое исследование). Киев, 1907.
  6. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. III. Типиконы (Савваитские). Петроград, 1917.
- (Материал для IV и V томов хранится в

архиве Дмитриевского в ГПБ, рукописный отдел, фонд 253. Смотрите оглавление этих томов в статье Михаила Арранца в «Ориенталия Кристиана Периодика». Рим, 1974. С.80-82(45, с.4)).

⁴ Научно-литературная деятельность проф. Успенского к 1950 г. заключалась в следующих трудах:

1. «Происхождение чина агрипнии или всенощного бдения и его составные части». Сочинение на степень кандидата богословия, рукопись, 260 стр., 1925 г. Представлена в Совет Высших Богословских курсов в Ленинграде.
2. Чин Воздвижения Креста Господня. Историко-археологический очерк. 25 стр. Машинопись. 1944 г. Представлен в Московскую Патриархию.
3. Святая Четыредесятница. Историко-археологическая справка. ЖМП за 1945 г. № 3.
4. Деятели русской музыкальной культуры (Ведель, Турчанинов, Потулов, Воротников, Виноградов, Бахметов, Львовский, Азеев, Лисицын, Тернов), 50 стр. Машинопись. Принята в 1945 г. Государственным центральным музеем музыкальной культуры для биографического словаря «Деятели русской музыкальной культуры».
5. «Лады русского Севера». Диссертация на степень кандидата искусствоведческих наук. 300 стр. Машинопись. 1946 г. Представлена в Ленинградскую государственную консерваторию
6. Значение ладовой основы в хоровом народном пении. 80 стр. Машинопись. 1947 г. Временник Ленинградской государственной консерватории.
7. Курс лекций по литургике применительно к программе 1 курса Духовной Академии. 462 стр. Машинопись. 1947 г. Представлен в библиотеку ЛДА.
8. Чин всенощного бдения в Греческой и Русской Церкви. Магистерская диссертация. 984 стр. Машинопись. 1949 г. Представлена в ЛДА (24, с.9).

⁵ См. его «Исторический обзор песнописцев и песнопений Греческой Церкви». Чернигов, 1864, с5.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия. М., 1988.
2. Типикон. М., 1956.
3. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. ч-II. М., 1877.
4. Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. т. I, Типиконы. Киев., 1901.
5. Дмитриевский А.А. Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской церкви. Киев., 1907.
6. Успенский Н.Д. Из личных воспоминаний об А.А. Дмитриевском. //Богословские Труды, №4, М., 1968.
7. Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство. Л., «Музыка» 1965.
8. Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство. Изд. 2-е. М., «Советский композитор», 1971.
9. Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский. Благословенный юбиляр. //Богословские Труды, №13, М., 1987.
10. Успенский Н.Д. Литургия Преждеосвященных Даров (Историко-литургический очерк). //Богословские Труды, №15, М., 1976.
11. Успенский Н.Д. К вопросу о происхождении Литургии Преждеосвященных Даров. //Журнал Московской Патриархии, 1976, №3.
12. Палестинский патерик. Вып.9. СПб., 1899.
13. Святитель Василий Великий. Творения. К Кесари, жене патриция, о приобретении. Изд.3-е. Сергиев Посад., 1892.
14. Иоанн Мосх, блаженный. Луг духовный. Изд. Троице Сергиевой Лавры., 1896.
15. Скабалланович М. Толковый типикон. Вып.1-й, Киев., 1910. Вып.2-й, Киев., 1913.
16. Минея ноябрь. ч.I. М., 1980.
17. Минея апрель. ч.I. М., 1985.
18. Алмазов А. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви. т.2, Одесса., 1894.
19. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святого апостола Павла. СПб., 1887.
20. Речь профессора ЛДА, кандидата бо-

- гословия, кандидата искусствоведческих наук Н.Д. Успенского перед защитой 22/IV 1949 г. диссертации на соискание ученой степени магистра богословия на тему: «Чин всеобщего бдения в Греческой и Русской Церкви» (Историко-археологическое исследование). ЛДА., 1949.
21. Успенский Н.Д. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий и его деятельность. (Машинопись). Л., 1949.
22. Уржумцев П.В. Профессор Николай Дмитриевич Успенский. К 50-летию научной деятельности. // Богословские Труды №13, М., 1975.
23. Дмитриевский А.А. Отзыв о сочинении Н.Д. Успенского на тему: «Происхождение чина агрипнии или всеобщего бдения и его составные части». Б.м. и г.
24. Открытое заседание Совета ЛДА от 22 июня 1949 г. Публичная защита магистерской диссертации кандидата искусствоведческих наук проф. Н.Д. Успенского на тему: «Чин всеобщего бдения в Греческой и Русской Церкви» (Историко-археологическое исследование). Б.м. и г.
25. Бронский В. Заслуженный профессор Н.Д. Успенский // Журнал Московской Патриархии, 1988, №3.
26. Успенский Н.Д. Православная вечерня (Историко-литургический очерк) // «Богословские труды», №1, 1959.
27. Успенский Н.Д. Христианская православная вечерня (Историко-Литургический очерк). Л., 1950.
28. Евсевий Памфил. Церковная история. т. II, кн. 2, СПб., 1848.
29. Иванов И. Музыковедческая деятельность профессора Н.Д. Успенского // «Богословские труды», №13, 1975.
30. Успенский Н.Д. Образцы Древнерусского певческого искусства. Л., 1968.
31. Успенский Н.Д. Апостольская традиция свечильничного благодарения, как основа Православной вечерни (Историко-литургический очерк). (Машинопись). ЛДА, 1953.
32. Постановления Апостольские. Казань, 1864.
33. Успенский Н.Д. Молитвы Евхаристии святителя Василия Великого и святителя Иоанна Златоуста (в чине Православной Литургии). // Богословские Труды. №2, М., 1961.
34. Преподобный Никон Черногорец. Пандекты. Книга преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черных Горы. Написана во святей обители Густине, в монастыре общежительном Прилуцком. 1670.
35. Житие святого Саввы Освященного. Изд. проф. Помяловским И.В. СПб., 1899.
36. Успенский Н.Д. Христианская православная утренняя (Историко-литургический очерк). (Машинопись). Л., 1952.
37. Архиепископ Филарет Черниговский. Исторический обзор песнописцев. Чернигов, 1869.
38. Фрейберг Л.А. Античность и Византия. Статья «Античное литературное наследие в византийскую эпоху». М., 1975.
39. Успенский Н.Д. Анафора (Опыт историко-литургического анализа). // Богословские Труды, №13, М., 1975.
40. «Богословский вестник» Июль-Август, т. II, М., 1911.
41. Николай, епископ. Лекция 2. Богословие Святой Евхаристии. Святая Евхаристия как предмет исследования и изъяснения. (Машинопись). Б.м. и г.
42. Учение двенадцати апостолов. Новоткрытый памятник древней церковной литературы в переводе с греческого, с введением и примечаниями К. Попова. Изд. 2. Киев., 1885.
43. Успенский Н.Д. Отзыв на курсовое сочинение студента IV курса архимандрита Михаила Боластиса «История Литургии святого апостола Иакова». Л., 1981.
44. Святитель Ириней Лионский. Пять книг против ересей. Изд. 2. СПб., 1900.
45. Арранц Михаил. История Типикона. I курс. ЛДА., 1978.
46. Успенский Н.Д. Чин всеобщего бдения на православной Востоке и в Русской Церкви (гл. I-V). // Богословские Труды, №18, М., 1978.
47. Успенский Н.Д. Магистерская диссертация. «Чин всеобщего бдения в Греческой и Русской Церкви» (Историко-археологическое исследование). Кн. 1 и 2. Л., 1949.